

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЗАГОВОР НА ЗАЩИТУ ДОМА (русское народное христианство в конце XX в.)

Т.В. Коренькова

Кафедра русской и зарубежной литературы
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Публикуется заговор на защиту дома и комментарий к тексту (датирован 1990-ми гг., найден в Подмосковье в 2011 г.). Проведен языковой и структурный анализ текста.

Ключевые слова: суеверия, русский фольклор, фольклористика, заговорный текст, заговор, народное христианство.

Текст, публикуемый ниже, найден летом 2011 г. в старом дачном доме Подмосковья (Одинцовский район). Листок почтовой бумаги с заговором и огарком пасхальной свечи был положен в укромном углу на полке около входной двери, справа при входе, под висящими на стене иконками (1), оставляемыми на зиму.

Стой мой дом (2) за крестом
Святым ангелом обойден
Святой рукою обведен
Всем окнам и дверям
Всему дому аминь
Что в дому забыто,
То святой рукой покрыто
~~
Богородица, дева радуйся
Благодатная Мария (3)
Благо (4)

[*оборот:*]
Богородица, дева радуйся
Благодатная Мария
Благословен

Судя по почерку, текст был написан Н.М. (1924 г.р.) в середине 1990-х.

Характерно, что никто из родных Н.М. об этой записке ничего не знал. Это, с одной стороны, может свидетельствовать либо о желании переписчика сохра-

нить факт заговора в тайне, либо о прерывании фольклорной традиции: ее носитель не знает, кому передать свой секрет или не считает нужным передавать его даже близким людям, которые принадлежат к молодому поколению (дети, внуки) и не знакомы с данным обычаем.

Вместе с тем нельзя исключать и сознательное утаивание магического обряда. Обычай помещать записку магическим текстом («договор» с домовым, лешим), зашивание молитв в полы шинели солдат на фронте и т.д. в укромное место так, чтобы его случайно не нашел и не прочитал посторонний (тогда заговор терял силу) отмечался у славян и других народов России.

Языковой и структурный анализ текста

Отсутствие знаков препинания, кроме двух случаев, которые не последовательны для остального текста и производят впечатление спонтанно грамотного написания (вопреки письменному образцу текста, заученного наизусть) человеком с высшим образованием.

Ритмически заговор оформлен как тонический 3-ударный стих с преимущественно анапестной клаузулой:

˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘
˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘
˘ ˘ ˘ ˘ ˘
˘ ˘ ˘ ˘ ˘

и т.д.

Переписчик не использовал букву «ё». Вместе с тем современный язык заговора позволяет предположить, что 1—3-я строки рифмовались: крестОм, обойдЁн, обведЁн, — как и в 6—7-й: забЫто, покрЫто.

Текст состоит из двух частей: 1) собственно заговора с характерными формулами, заминьеванием и «замком»; 2) отрывка Богородичной молитвы.

Концовка текста после отбивки на 1-й странице совпадает с текстом на обороте. Очевидно, переписчица считала, что «Богородице, дева, радуйся» (Благовещение) и сам заговор не должны находиться на одной стороне листа. Написав по ошибке оба фрагмента рядом, Н.М. не стала зачеркивать недописанную молитву (5), а заново переписала ее там, где считала правильным (6) (допустимым?).

Текст популярной молитвы, хотя был известен Н.М., не дописан. В архиве Н.М. также была обнаружена карманная записная книжка рубежа 1930—1940-х гг. с записями отрывков псалмов и апокрифических молитв (варианты «Сна Богородицы»). Интерес переписчика текста заговора к традициям русских народных суеверий подтверждают ранее опубликованные в «Вестнике РУДН» материалы [2; 3].

Возможные источники

В дачном домике, построенном в начале 1970-х гг. на границе поселка вплотную к перелеску, не было печи — традиционного фольклорного локуса обитания

домовых. Это обстоятельство наряду со статусом временного (летнего, второстепенного по отношению к основному месту проживания и прописки) жилища могло дать основания для активизации архетипических психологических параллелей и перехода оппозиции «дом—лес» в вариант «дом—лес (дача)».

Косвенным свидетельством такого смещения стала схожесть модели письменных пастушьих «отпусков» (договоров с лешим) и заговора на защиту дома от воров: «В случае принятия БО (божественного, благословенного отпуска (7) пастух собирает стадо на огороженной территории, обходит его трижды, имея при себе ряд предметов: (икону, свечу, топор, кнут или ветку (*погонялку*), замок с ключом, закатанную в воск шерсть от всех коров стада и т.д.), произнося текст заговора-молитвы, после чего прогоняет стадо в ворота, *над* (здесь и далее в цитате курсив наш. — Т.К.) которыми висит икона, а на земле лежат ритуальные предметы: кочерга, пояс, замок с ключом и др. Текст такого отпуска строится с использованием характерных заговорных формул, содержит *перечень святых*, к которым обращается пастух, и опасностей, от которых он должен охранять стадо... „[Что такое отпуск?] **Божественные слова**“» [4].

Записка с заговором хранилась в укромном месте (практически незаметном для входящих, случайных, не живущих здесь постоянно людей) — *в верхней части* стеллажа, что может интерпретироваться в русле противопоставлений народно-христианской традиции верха (божественного, благословенного) — низу (подполью домового, кикиморы или земли лешего).

В начале текста приводится «перечень святых» (по восходящей: крест — ангел (ангел-хранитель?) — святая рука (Божья). Словесная «тень ритуала»: дом «обойден» — находит свои аналоги в зафиксированных фольклористами обрядах обхода стада пастухом перед первым выгоном и архаическом обряде оползания и опоясывания храма или города (Толстой Н.И., Фрезер Дж. Дж.).

По восходящей же описываются опасные с точки зрения проникновения воров или грабителей места: окна — двери — весь дом (видимо, на случай взлома стены, пола или потолка), что в пастушьем «отпуске» находит параллель в огороженном пространстве.

В обоих случаях для презентации горнего мира используются икона и свеча, освящающие ритуал и лишённые табуизации (8).

Текстовые параллели к заговору пока не выявлены. Единственное исключение — фрагмент из «Оберёжной тетради Знахаря старовера на здоровье», воспроизводящий также по возрастающей с небольшим расширением выше выявленную защитную заговорную модель (от окон — к порогу и ограде вокруг дома): «Окнам — молитва, дверям — Аминь, порогу — молитва, тыну — Аминь».

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Богородица, св. Николай Мирликийский и св. Пантелеймон. По сути, в помещении это место представляло собой «красный угол».
- (2) Слово пропущено и вписано сверху.
- (3) Слово исправлено поверх неразборчивого элемента.
- (4) Слово не дописано.

- (5) Вероятно, считая грехом, зачеркнуть слова молитвы и самое имя Богородицы.
- (6) Скорее всего, функцией молитвы Богородице (полный текст: «Богородице, Дево, радуйся! ¹/ Благодатная Марие, Господь с тобою! ²/ Благословенна Ты в женах и ³/ благословен плод чрева Твоего, ⁴/ яко Спаса родила еси душ наших. ⁵/ Аминь»), написанной на обороте (еще одно закольцовывание, освящение обеих сторон бумаги с текстом) — защита самой записки. Основанием этой догадки могут быть наблюдения Н.И.Толстого над обрядом переворачивания предметов: «Переворачивание предмета... может выступать как отдельный микрообряд без широкого обрядового контекста или вне его» [7. С. 222].
- Нерегулярное использование знаков препинания, незаконченность текста в целом и характерные ошибки (Мария вместо вокатива Марие) могут быть связаны как с общим ослабленным состоянием Н.М. при написании, так и с тем, что заговор ею был воспринят на слух. При устной передаче источник мог ограничиться простым упоминанием, что после текста заговора на обратной стороне следует написать слова всем известной молитвы. Однако 70-летняя Н.М. не смогла сходу вспомнить всю Богородичную молитву и воспроизвела то, что вспомнила на тот момент: 1-й и начала 2-го и 4-го стихов.
- (7) *Vs лесных, неблагословенных, страшных* «отпусков». В первом случае договор заключается с Богом или Божественными силами, во втором — с персонажами народной демонологии: лешим, домовым и др.
- (8) Напротив, в пастушеских обрядах *на сезонное пользование топором, кнутом, погонялкой (а также свирелью, дудкой) накладывались разнообразные табу*, нарушение которых могло привести к смерти пастуха, нарушившего обеты.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Коренькова Т.В.* Современные городские бывальщины и былички: Публикация записей городского фольклора и комментарии // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение и журналистика». — 2001. — № 5. — С. 101—110.
- [2] *Коренькова Т.В., Волкова А.В., Воронова Н.С.* Современные русские былички: Публикация записей городского фольклора и комментарии // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение и журналистика». — 1999. — № 4. — С. 95—99.
- [3] *Коренькова Т.В.* Современный городской «чудесный» фольклор: Публикация городских бывальщин и комментарии // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение и журналистика». — 1997 (1998). — № 2. — С. 99—103.
- [4] *Мороз А.Б.* (г. Сыктывкар) «Лесной отпуск». Тайное знание севернорусского пастуха и его репрезентация в крестьянской общине // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003». — Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижы», 2003. — URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/52.html#ref-id6312940>
- [5] Оберёжная тетрадь Знахаря старовеера на здоровье // URL: www.docme.ru/doc/10406/oberyozhnaya-tetrad_-znaharya-starovera-na-zdorov._e
- [6] *Толстой Н.И.* Оползание и опоясывание храма // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е, испр. — М.: Индрик, 1995.
- [7] *Толстой Н.И.* Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде // *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е, испр. — М.: Индрик, 1995.
- [8] *Фрезер Дж.Дж.* Золотая ветвь. — М.: АСТ, АСТ Москва, Харвест, 2010.
- [9] *Фрезер Дж.Дж.* Фольклор в Ветхом Завете. — М.: АСТ, Ермак, 2003.

A RUSSIAN FOLKLOR WRITTEN SPELL AGAINST THIEFS AND BURGLARS

T.V. Koreňkova

Department of World Literature
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

A rare example of modern Russian superstitious is a written spell against thieves and burglars (dated 1990's, Moscow region).

Key words: Russian superstitious beliefs, superstition, Russian folklore, folklore studies, spells, spell text, Folk Christianity, Icon Corner.